

Этот поцелуй был неловким, словно попытка симитировать мимолетный, завораживающий кадр из кинофильма — он просто подался вперед, повинувшись порыву чувств. Сперва Вэнь Суй пытался сохранять ледяное спокойствие, но в следующий миг его разум отключился. Всё исчезло, остался лишь один всепоглощающий тактильный образ — мягкость чужих губ. А учащённое сердцебиение, казалось, эхом разносилось в ушах. Теперь он слышал два сердца. Своё и Си Чжоу. И было не разобрать, чьё бьётся быстрее.

Дыхания, вбираемого носом, уже не хватало. Вэнь Суй инстинктивно хотел отстраниться, но рука Си Чжоу держала его за затылок, и тот осторожно кончиком языка коснулся его губ. Несмотря на разницу в возрасте, он был ненамного опытнее Вэнь Суя. Весь его опыт, будто лишние годы съеденной соли, проистекал лишь из поверхностных знаний, почерпнутых из просмотренных фильмов и сериалов.

Никакого мастерства не было и в помине, да и из-за чрезмерной поспешности исчезли обычные нежность, терпение и умение мягко направлять. Но даже так дыхание неудержимо сбивалось. Два неопита, едва знакомых с любовью, действовали наугад, словно дети, выпрашивающие сладости: едва ощутив сладость на губах, жаждали ещё. Тем более один из них жаждал этой «конфеты» слишком долго. Жаль только, он не решался всерьёз представить, как будет разворачивать фантик и куда именно кусать, если сладость окажется в его руках.

В итоге оба покраснели, затаив дыхание. Этот поцелуй, начавшийся как лёгкое прикосновение, остался таким же лёгким касанием. Чтобы первокласснику стать студентом университета, предстояло ещё наверстать немало уроков.

У перил смотровой площадки солнце уже полностью выплыло на небо, ярко освещая всё вокруг — словно напоминая влюблённым, что даже при полном отсутствии посторонних, при свете дня следует соблюдать приличия. Си Чжоу всё ещё обнимал Вэнь Суя за талию, словно не мог наглядеться: мочка уха его малыша так соблазнительно покраснела, что он не удержался и коснулся её кончиком носа. Этого ему показалось мало, он снова нежно, мягко потёрся о неё — простое движение, словно электрический разряд, пробежало по всем нервам от ушей до кончиков пальцев.

Вэнь Суй, который после поцелуя, точно страус, прятал лицо и не решался показаться, наконец удостоил его взглядом, но его глаза были затуманены, и как бы он ни хмурился, это не производило никакого устрашающего впечатления, лишь разжигало в ком-то желание поцеловать его снова. Однако Си Чжоу был недоволен собой. Пока он как следует не разберётся в своих чувствах, не стоило снова пускаться в рискованные эксперименты. Вместо этого он сдержал порыв и лишь бережно коснулся губами лба Вэнь Суя.

— Сяо Суй, ты действительно всё обдумал?

— Что обдумал? — туман в глазах юноши слегка рассеялся.

Си Чжоу нежно прижался своим лбом к его:

— Наше будущее.

— Будущее?

Вэнь Суй слегка отвёл взгляд. Эти слова, словно призрачный, неуловимый ветер, развеяли последнюю дымку растерянности в его глазах. Подобная реакция заставила сердце Си Чжоу необъяснимо упасть. Он внимательно всматривался в лицо Вэнь Суя, словно пытаясь найти хоть каплю уверенности, и наконец, с едва теплящейся надеждой, осторожно спросил:

— Тогда почему ты только что?..

Почему внезапно поцеловал его? Разве это не было естественным проявлением чувств, когда всё идёт своим чередом?

Вэнь Суй неожиданно молча опустил голову, беззвучно положил руки на предплечья Си Чжоу и едва заметно надавил вниз, опустив сердце Си Чжоу на самое дно пропасти. Он думал, что Вэнь Суй всё обдумал, прежде чем решиться на такой смелый шаг, но тот, похоже, отнёсся к этому лишь как к поцелую, о котором можно тут же забыть. Как он мог быть таким легкомысленным! За кого он его вообще принимает? И за кого принимает себя?!

Огромное разочарование, смешанное со скрытой яростью, едва не лишило Си Чжоу рассудка, готового сорваться на Вэнь Суя. Но в глубине души ему всё же было жаль, и внутренний голос находил для него оправдания. Вэнь Суй всё ещё слишком молод. Лян Шу была права...

«Сяо Суй сейчас ещё слишком юн, он легко может спутать симпатию, восхищение и любовь. У него недостаточно жизненного опыта, чтобы чётко их различать. Сяо Чжоу, ты старше его, но тётя знает, что и у тебя ещё не было отношений».

«Когда двое неопытных людей впервые влюбляются, их чувства всегда одновременно и наивно-чисты, и порывисто-страстны. Они готовы отдавать всего себя, хотят быть рядом каждую минуту... но именно такая искренняя страсть чаще всего не выдерживает испытаний».

«Ты, наверное, хочешь возразить, но, сяо Чжоу, ты всегда был рассудительным, тебе уже довелось пережить взлёты и падения. Возможно, ты уверен в своих чувствах. Но уверен ли в них сяо Суй? всю жизнь мы с отцом наблюдали за ним — у него почти не было друзей, всё изменилось только после встречи с тобой».

«Уверенность в себе, дружба, мечты... Мы видим, как много ты для него сделал. Естественно, что он к тебе привязался. Но задумывался ли ты, почему ты для него особенный? Он на самом деле любит тебя — или просто восхищается тобой? Понимает ли он разницу?»

«Теперь его ждёт большое будущее, и ты будешь видеть его всё реже. Но дело не только в расстоянии. Время, обстоятельства, новые люди — всё это может изменить человека. Тётя относится к тебе как к сыну и не хочет, чтобы ты потом страдал из-за несбывшихся надежд».

«Сяо Чжоу, пока вы не будете уверены в достаточно равных и крепких чувствах, тётя надеется, что ты не будешь слишком глубоко впускать их в сердце. Подумай и о себе, хорошо?»

Си Чжоу горько усмехнулся. Лян Шу заметила его чувства, которые он не мог скрыть, но она и не подозревала, что когда он сам их осознал, было уже слишком поздно — он увяз слишком глубоко. Он думал, что наконец-то дождался, когда тучи рассеются, но малыш, которого он так бережно лелеял в сердце, после такой нежной и страстной близости сказал ему, что не думал об их будущем.

Если он даже не думал о будущем, то, вероятно, тем более не задумывался, с какими огромными трудностями и давлением им придётся столкнуться, если они действительно будут вместе. словно наивные юноши и девушки в пору цветения и дождей, которым достаточно малейшего трепета весеннего сердца, чтобы взяться за руки, поцеловаться, не задумываясь ни

о чём другом.

Конечно, у Вэнь Суя были все основания для импульсивности. Не то что он, который только сейчас, прожив столько лет, встретил этого человека и после одного поцелуя уже не мог дожидаться, чтобы связать с ним всю жизнь. Си Чжоу разжал руки, обнимавшие Вэнь Суя, словно одновременно даря ему свободу:

— Я неправильно понял. Не обращай внимания на то, что я только что сказал. — Он повернулся к багровому восходу, где заря растекалась, как кровь. — Утро вечера мудренее. Ты сейчас в самом расцвете сил, впереди у тебя светлое будущее. Не стоит связывать себя тем, что может принести тебе боль.

— Боль? — Вэнь Суй посмотрел на Си Чжоу.

Си Чжоу тихонько вздохнул, уголки его губ тронула улыбка, полная горечи:

— Ночью, легко поддаться мимолётному очарованию звёзд и лунного света, но в темноте можно заблудиться. На самом деле, если немного подождать, рассветное солнце — самое тёплое и настоящее.

Вэнь Суй молчал. Ветер развевал прядь волос у его виска. Искры в глазах Си Чжоу, ещё недавно яркие, как вспышки фейерверка, теперь тихо угасали, рассыпаясь пеплом в пустоте. Но объяснять дальше не было смысла.

Между ними надолго воцарилось молчание. Внезапно Вэнь Суй задал вопрос:

— Ты... когда-нибудь женишься?

Этот вопрос застал врасплох не только Си Чжоу, но и самого Вэнь Суя. После той свадьбы он действительно думал об этом, но сейчас тема казалась неуместной. И всё же слова Си Чжоу о

будущем снова разбередили в нём эту мысль...

— Разве ты не говорил, что не хочешь говорить о будущем? — Си Чжоу усмехнулся ещё горше. Вэнь Суй причинял ему боль, с которой он ничего не мог поделать.

— Я не женюсь... нет, вернее, в нынешних условиях в нашей стране я пока не могу жениться на человеке, которого люблю. Если он согласится провести со мной всю жизнь, мы поженимся за границей, станем законными спутниками друг друга на всю жизнь.

Вэнь Суй молча крепче сжал перила перед собой. Через пару секунд он спросил:

— Ты не хочешь детей?

— Если я буду с человеком, которого люблю, у нас не будет детей.

— Но ты же очень любишь детей? Чжэн Сюйжань говорил, что тебе очень нравится его дочь, ты даже стал её крёстным отцом.

— Мне нравятся все дети в клубе стрельбы из лука, но возможность иметь детей не связана с тем, люблю я его или нет.

Си Чжоу уже понял: Вэнь Суй осознаёт его чувства. Но что творится в его голове — оставалось загадкой.

— А ты? Ты думал о том, чтобы в будущем жениться и завести детей?

— Нет.

На этот раз Вэнь Суй ответил решительно. И эта решительность зажгла в сердце Си Чжоу слабый лучик надежды:

— Почему?

— Я... — как сказать, что у него нет будущего, о котором можно говорить?

Увидев его колебания, Си Чжоу почувствовал, как тот слабый лучик надежды в его душе снова окутала тень.

— Жениться и завести детей — тоже одна из радостей семейной жизни, гармония между супругами, дети, бегущие вокруг... обычные люди хотят этого. И общество одобряет именно такой путь.

Си Чжоу старался, чтобы его голос звучал как у заботливого старшего брата:

— У тебя не было такого опыта, так что неуверенность — это нормально...

Но Вэнь Суй рассмеялся, и в смехе его прозвучала лёгкая грусть:

— Если ты сам не собираешься жениться и заводить детей, как ты можешь думать, что я захочу этого?

Увидев выражение его лица, Си Чжоу почувствовал, как у него дрогнуло сердце:

— Возможно, ты просто... под влиянием момента. — Его мысли путались, но он дорожил каждым словом, говоря несколько бессвязно: — Как когда-то мои мечты стали твоими — ты

невольно перенял их. Через несколько лет ты, может быть, поймёшь, что семья это правильно, а ко мне... ты просто испытываешь братские чувства...

— Ты действительно так думаешь?

Глаза Вэнь Суя покраснели, словно по ним провели мокрой кистью, и этот румянец медленно расплзался, заполняя всё веко. Он действительно думал, что причина в этом? Даже их общая мечта стала чем-то навязанным? И правда, он сам спровоцировал Си Чжоу, а теперь не может ничего внятно объяснить — ну разве не законченный подлец!

Си Чжоу был ошеломлён взглядом Вэнь Суя. Он инстинктивно хотел коснуться его лица, но его руку резко оттолкнули с отчётливым шлепком.

— Сяо Суй!

Вэнь Суй развернулся и быстро пошёл прочь. Си Чжоу бросился за ним. Он вовсе не думал так! Он просто хотел дать Вэнь Сую время, пытался найти для него оправдание... Но почему...

Но почему — и сам Вэнь Суй не мог сказать, что с ним. Он грубо провёл тыльной стороной ладони по лицу. Ведь Си Чжоу уже дал ему возможность отступить, а он только что снова вернулся к этой теме. Зачем он спросил Си Чжоу о женитьбе и детях? Какое ему дело до того, как тот устроит свою жизнь и с кем будет? Тот неосторожный поцелуй уже разрушил хрупкую границу между ними, а теперь всё окончательно развалилось. И вообще, какое он имеет право решать за будущее этого тела! Какое у него право обещать будущее?

Он ведь просто кукушка, занявшая чужое гнездо. Разве может он от имени настоящего хозяина бросаться двусмысленными фразами? Если он не способен дать Си Чжоу будущего, зачем сеять в нём надежду? Сегодня он повёл себя отвратительно. Поступил эгоистично — и по отношению к Си Чжоу, и к тому, чьё тело теперь носит.

— Сяо Суй, о чём ты всё-таки думаешь?

Си Чжоу наконец догнал его, схватил за руку и увидел на его лице ещё не высохшие следы слёз. На самом деле, невозможно было не заметить странностей: его вопросы о памяти, противоречивые поступки, тот встречный вопрос...

— Ты действительно не можешь мне рассказать?

Си Чжоу притянул его к себе, широкой ладонью нежно поглаживая кожу за его ухом, пытаясь успокоить. Пальцы медленно скользнули вперёд, задержавшись на линии подбородка. Вэнь Суй почувствовал, как его подбородок слегка приподняли. Кончики пальцев Си Чжоу были влажными от его слёз. Он зажмурился:

— Давай вернемся, я устал.

Он не смотрел на Си Чжоу. Тёплое дыхание того замерло вблизи, и через несколько секунд прозвучало:

— Хорошо. Идём домой.

Он снова оказался на спине Си Чжоу. Эта спина была такой широкой, словно могла выдержать все обиды, горечь и тяжесть этого мира, но это было невозможно.

— Прости, я слишком торопился. Давай не будем ни о чём думать. Я больше не стану спрашивать. — Нежный голос Си Чжоу, казалось, доносился прямо из его груди. — О будущем мы поговорим потом, не спеша.

Но... будущего уже не было. Как бы ни было тяжело, придёт день, когда придётся отпустить. Так почему бы не сделать это сейчас? Вэнь Суй проглотил горечь, спрятав её глубоко в сердце, и одновременно принял решение. Он думал, что уйдёт после Олимпиады — тихо, без последствий. Тогда нынешний Вэнь Суй снова потеряет память, а настоящий Вэнь Суй незаметно вернётся, и ничего не изменится.

А мечта Си Чжоу осуществится, и он наверняка будет очень счастлив. А он, выполнив свою роль, уйдёт без сожалений. Мёртвый, украдкой проживший шесть лишних лет в мире живых, должен быть доволен. Но оказалось, что это не так. Ему становилось мало.

Все началось с того момента на свадьбе, когда он увидел Си Чжоу в костюме шафера, увидел, как много людей пытаются его сосватать, беспокоятся о его личной жизни. Он такой выдающийся, такой хороший, все желают ему подходящей пары. При одной мысли о том, что в будущем рядом с Си Чжоу будет стоять девушка, такая же красивая, как та подружка невесты, что вся его нежность будет отдана ей, что они проведут вместе долгие десятилетия и у них родятся милые дети, он...

В том углу, забытом среди шума голосов и блеска праздника, Вэнь Суй впервые осознал свой ужасный эгоизм. Он хотел безраздельно владеть добротой Си Чжоу. Да, Вэнь Суй знал, что Си Чжоу хорошо к нему относится. Ещё тогда, когда тот помог ему преодолеть боязнь желтого, когда терпеливо учил его стрельбе из лука, когда его взгляд перестал быть прикован только к стрельбе, он всё чётко и ясно осознал.

Между ними оставалась лишь тонкая, почти неощутимая бумажная преграда, которую Вэнь Суй не хотел прорывать. Пока она цела, оставалось пространство для манёвра, и даже если он уйдёт, то хотя бы не будет выглядеть... как бессердечный человек, который сначала соблазнил, а потом бросил. Но сегодня все усилия и упорство пошли прахом. Он всё-таки не смог побороть эту эгоистичную жадность.

У подножия горы машину уже покрыл тонкий слой снега. Си Чжоу прогрел автомобиль, глядя на сидевшего рядом Вэнь Суя, который, склонив голову, смотрел в окно.

— Если устал, поспи немного.

Вэнь Суй спрятал руки в карманы, нащупал телефон и, закрыв глаза, притворился спящим.

Всю дорогу они молчали. Когда они добрались до парковки жилого комплекса, Вэнь Суй вышел из машины, но остался стоять рядом, не двигаясь. Он опустил голову:

— Я не пойду с тобой наверх. Я хочу... поехать домой.

Си Чжоу на мгновение замер, затем снова разблокировал машину:

— Я отвезу тебя.

— Не нужно, я вызвал такси, оно ждёт, — Вэнь Суй отступил на пару шагов. — Тебе всегда было далеко меня отвозить, не стоит больше так утруждаться.

Си Чжоу крепко сжал в руке ключи от машины:

— Сяо Суй, это моя вина, я не должен был говорить такие слова, чтобы давить на тебя, я действительно...

— Ничего не говори, — произнёс Вэнь Суй. — Только не сейчас.

Если он сейчас услышит эти слова, то, возможно, передумает уходить. Даже сейчас Си Чжоу оставался таким же мягким, всегда думал о нём, даже искал оправдания его нелепым и безответственным поступкам.

Вэнь Суй сел в машину. Водитель поздоровался, уточнил номер телефона и пункт назначения:

— Вам в аэропорт?

— Да, поехали.

В зеркале заднего вида мелькнул силуэт Си Чжоу — одинокий, как опавший лист. Вэнь Суй заставил себя не смотреть, но не мог удержаться. Лишь когда силуэт скрылся из виду, Вэнь Суй понял, что прокусил губу до крови — на языке стоял тот самый привкус, одновременно металлический и терпкий.

— Прощай, Си Чжоу.

***

Три часа спустя Вэнь Суй уже был в столице. Перед ним раскинулся центральный район, оживлённый даже в преддверии Праздника Весны. Он поднял голову к вывеске: «Центр психологических консультаций «Дунъян». Такси уехало, создав порыв холодного ветра. Стиснув кулаки, Вэнь Суй шагнул вперёд. Голос в глубине души снова предостерегал его:

— Не ходи! Пойдёшь — тебя заставят уйти! Ты исчезнешь навсегда!

Этот голос, зазвучавший впервые в тот день, когда он получил визитку Хань Чунвэя, становился всё отчётливее, снова и снова раздаваясь в тёмной глубине души. Именно из-за этого голоса Вэнь Суй и решил, что Хань Чунвэй — та самая таинственная сила, что перенесла его сюда. Он тянул время, надеясь украсть ещё три года... Но теперь ждать было больше нельзя.

Каждый должен отвечать за свои поступки. Он всё испортил и не мог притворяться, будто ничего не случилось, продолжая так же неопределённо пользоваться добротой Си Чжоу. Водить того за нос было бы слишком подло. Необходимо было во всём разобраться. Какой бы ни была правда, её придётся принять — это его расплата.

— Здравствуйте, вы господин Вэнь Суй? Профессор Хань ждёт вас в VIP-кабинете, это вторая

дверь прямо по коридору. — Ассистентка на ресепшене с улыбкой кивнула Вэнь Сую.

Вэнь Суй подошёл к двери, опустив взгляд на телефон. В чате было сообщение от Си Чжоу, отправленное, когда он был ещё в самолёте. Из-за отсутствия сигнала он его не увидел. Вероятно, Си Чжоу уже связался с Вэнь Цунцзянем и Лян Шу, поэтому не стал отправлять второе. Пальцы Вэнь Суй легли на текст уже набранного им офлайн-сообщения.

«Си Чжоу, если я больше не выйду на связь, не ищи меня. Считай, что это был сон. Я в долгу перед тобой. Не спрашивай того Вэнь Суй, который тебя забыл, и не пытайся вернуть ему память. Тот Вэнь Суй ни в чём не виноват, и ты тоже. Прости, для тебя это очень жестоко, но, Си Чжоу, ты мне действительно очень нравишься. Живи хорошо и начни всё сначала.»

Он установил таймер отправки на три дня, после чего сообщение будет удалено с устройства. Сделав это, Вэнь Суй, больше не колеблясь, толкнул дверь и вошёл в кабинет психолога.

***

Уже начались праздничные каникулы. Утром пробок быть не должно, так что Вэнь Суй доберётся до дома примерно за час? Си Чжоу, прикинув время, отправил сообщение, но ответа не получил. Подумав, он всё же не мог успокоиться — необъяснимое шестое чувство не давало ему покоя. Он позвонил Вэнь Сую домой. Сначала трубку взял Вэнь Цунцзянь.

— А, Сяо Си! Сяо Суй... он уже дома, сейчас спит.

Это странное шестое чувство стало ещё острее от тона Вэнь Цунцзяня. Затем трубку взяла Лян Шу.

— Сяо Чжоу, сяо Суй только что внезапно сказал, что ему нужно вернуться в команду, и просил нас не говорить тебе. Мне кажется, что-то тут не так. Вы поссорились?

Вэнь Цунцзянь и Лян Шу, возможно, не знали, но Си Чжоу сразу понял: в национальной сборной сейчас каникулы, и не было никаких дел, ради которых нужно было бы срочно возвращаться. Это был явный предлог.

Си Чжоу хотел снова позвонить Вэнь Сую, но понял, что раз тот решил всё скрыть, то ничего не добьётся. Если он не отвечает на сообщения — вероятно, не потому, что игнорирует. Хотя бы для видимости мог подтвердить, что уже дома, чтобы не вызывать подозрений... Внезапно Си Чжоу осенило: а что, если Вэнь Суй сейчас в самолёте?

Си Чжоу тут же позвонил Ли Яньцуню:

— Алло, тренер Ли, это Си Чжоу. Я хотел бы узнать о состоянии Вэнь Суя в команде в последнее время...

— Да, немного беспокоюсь. Он вернулся, но, кажется, чем-то озабочен, поэтому хотел спросить, не случилось ли чего-нибудь особенного...

— А, психологическая консультация? Вам не составит труда прислать мне адрес и контактные данные этого профессора? Да, я понимаю, я не буду спрашивать напрямую.

Си Чжоу повесил трубку и, уже выходя из дома, лихорадочно заказал билет на самолёт. Следующий прямой рейс в столицу был только через шесть часов. Самый быстрый вариант — с пересадкой в провинциальном центре. Купив билет, Си Чжоу схватил куртку и, даже не успев её надеть, выбежал за дверь.

В кабинете психологической консультации Вэнь Суй сидел напротив Хань Чунвэя.

— Я не ожидал, что ты придёшь так скоро, — Хань Чунвэй поставил перед Вэнь Суем стакан сока.

Вэнь Суй настороженно смотрел на него. Хань Чунвэй с улыбкой, не отводя взгляда, смотрел прямо в глаза юноше:

— Для начала скажи, ты нашёл ответ?

— Нашёл.

— Тогда почему ты всё же решил прийти? — в голосе Хань Чунвэя звучал вопрос, но выражение его лица говорило о том, что он всё предвидел. — Разве ты не хочешь остаться?

— Хочу, но я не могу оставаться вот так, в полной неизвестности, проживая день за днём в тумане. Это было бы несправедливо по отношению к нему.

Хань Чунвэй кивнул, не скрывая восхищения во взгляде:

— Ты действительно очень смелый. Смелее, чем я думал.

Вэнь Суй не желал слушать похвалы, он боялся, что каждая лишняя минута добавит ему колебаний. Он сказал прямо:

— Теперь вы можете сказать мне, кто я на самом деле?

Хань Чунвэй мягко положил ручку на стол, сцепил пальцы и, серьёзно глядя на Вэнь Суя, разгладив брови, чуть медленнее произнёс:

— В психологии есть такое заболевание, называемое «диссоциативное расстройство идентичности», или диссоциация. Оно означает, что у человека есть множественное восприятие собственной личности. Проще говоря, это похоже на сон. Иногда мы можем путать сон и реальность, иногда разговариваем сами с собой, иногда чувствуем, будто не можем контролировать свои действия, или представляем себя кем-то другим. Подобные явления случаются со всеми.

— Разница между здоровым человеком и пациентом с диссоциативным расстройством заключается лишь в частоте и тяжести этих явлений. Когда разрозненные, но имеющие определённую последовательность фрагменты сновидений складываются в достаточно цельную картину и начинают проявляться и в реальности, это означает выделение новой идентичности, обладающей самосознанием.

— Эти две идентичности могут быть полностью независимы друг от друга, не разделяя воспоминаний, а могут пересекаться, и их воспоминания могут быть связаны. Однако воспоминания также могут меняться в зависимости от обстоятельств, например, при слиянии сознаний. Конечно, возможно и обратное — необратимое разделение.

Сердце Вэнь Суя тяжело ёкнуло, глаза непроизвольно широко распахнулись. В светлом, тёплом кабинете его ладони покрылись холодным потом:

— Так вы хотите сказать?..

— Ты — человек, придуманный твоим же сознанием.

— Этого не может быть!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130140>